

Наталья Елецкая

ҚИШТАМА

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Е50

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины
Тимура Кагирова

ISBN 978-5-17-181925-5

© Наталья Елецкая, текст, 2026
© Тимур Кагиров, ил., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Все события и персонажи в книге
являются вымышленными*

Мою маму забрала к себе Черная Река.

Так с аварского переводится Каракойсу¹. Река, берущая свое начало за перевалом Халахуркац², течет, извиваясь серебристой лентой и распадаясь на притоки, образуя узкие ущелья и каньоны и ежегодно забирая чужие жизни, словно дань, с незапамятных времен возложенную на сёла, разбросанные по пути ее следования.

Мы живем на окраине Цуриба³, откуда до Каракойсу при желании можно дойти пешком. Но желания у меня нет. Я никогда не хожу на берег реки. Я все еще не простила, я по-прежнему скорблю. Не только по маме, но и по Айшат, хотя ее река не забирала. В смерти Айшат виноват исключительно Азим. Но я не держу на него зла.

¹ *Каракойсу* — река в Дагестане, протекает по территории Чародинского, Гунибского и Гергебильского районов.

² *Халахуркац* («Перевал длинных ущелий», *авар.*) — перевал высотой 3476 м, разделяющий верховья рек Самур и Каракойсу.

³ *Цуриб* — село, административный центр Чародинского района.

Я люблю Азима, словно собственного сына. На той неделе ему исполнилось три года, но он выглядит и ведет себя так, словно ему по меньшей мере пять. Когда отец совершает намаз, Азим стоит рядом на маленьком молельном коврикe, старательно повторяет за отцом движения и шевелит губами, хотя вряд ли понимает смысл того, что произносит.

Хотя мама и Айшат погибли каждая по-своему, в их смертях есть нечто общее: с обеими это случилось в високосный год.

Марьям где-то вычитала, что в такие годы чаще, чем обычно, случаются всякие неприятности и природные бедствия. Я не поверила: Марьям ведь читает всякие глупые журналы в ярких обложках, но поневоле задумалась, когда она принесла два потрепанных карманных календарика — за 1988 и 1992 годы — и показала обведенные карандашом лишние дни в феврале.

Мама погибла пять лет назад, в конце октября, через два дня после того, как мне исполнилось двенадцать. Она пропустила мой день рождения, потому что хоронила бабушку Джаннат, умершую накануне. Мама родом из села Гуниб, расположенного по ту сторону перевала. Бабушка Джаннат жила там в большом доме, окруженном фруктовым садом, со своим сыном Саидом, его женой и тремя их детьми. Когда бабушка Джаннат собралась умирать, дядя Саид сел в машину и поехал за сестрой. Мама успела вовремя. Бабушка обняла ее, прошептала: «Моя Разия!» — и навсегда закрыла глаза.

Я тоже хотела попрощаться с бабушкой, но у меня в тот день была высокая температура, и мама не взяла меня с собой. Это спасло мне жизнь.

На обратном пути, когда дядя Саид вез маму домой, машину занесло на серпантине, опоясывавшем гору, стоящую на подступах к Цурибу. Дядя не справился с управлением, потому что накануне выпал снег, ночью с гор спустился мороз, и дорога стала как каток.

Я часто думаю о последних маминых секундах, когда машина сорвалась в пропасть и полетела навстречу бурлящему потоку. Они выехали из Гуниба рано утром, чтобы дядя Саид успел потом на работу. Мама дремала на заднем сиденье. Когда машина устремилась вниз, она вряд ли успела проснуться и понять, что происходит; я очень надеюсь, что это так.

Дяде удалось выбраться из салона. Он снова и снова нырял в ледяную воду, пока хватало сил, но не смог вытащить маму. Она была пристегнута, и ремень безопасности заклинило. Когда ее наконец подняли на берег, она была мертва.

С Айшат случилось по-другому.

Отец женился на Айшат через полгода после маминой смерти. Она жила в соседнем подъезде и была старше меня на пять лет. Помню, как после никаха¹, в начале апреля 1989-го, отец привел ее в дом — неожиданно тихую, в длинной юбке, по самые брови закутанную в платок, хотя до этого я каждый день видела ее на улице в обычных платьях, с полупрозрачной газовой косынкой на голове, нисколько не робкую. Айшат часто забегала в магазин отца, расположенный неподалеку, купить то одно, то другое. Ну и добегалась...

¹ *Никах* — традиционный исламский обряд бракосочетания.

Мы с Айшат сразу подружились. Я не воспринимала ее как мачеху, скорее — как старшую сестру. Она помогала с уроками по тем предметам, по которым я отставала. Завуч велела мне *вытянуть год на тройки*, но в одиночку я бы не справилась, ведь раньше мне помогала мама. Возможно, отец для этого и женился на Айшат. Она с отличием окончила нашу восьмилетку и два года проучилась на медсестру в Буйнакске.

Айшат целый год не могла забеременеть. Я тогда не понимала этого, не понимала, почему через некоторое время после никаха отец стал сердитым, раздражительным, а Айшат — виновато заглядывающей ему в глаза, улыбающейся заискивающей улыбкой. Она еще более старательно, чем прежде, занималась хозяйством, каждый день ставила на стол вкусные блюда, наводила чистоту. Но отец все равно оставался недовольным. Айшат часто плакала украдкой, на мои расспросы или отмалчивалась, или сердилась, велела не лезть куда не просят. Я думала, отец ее обижает, но ничего ему не говорила, он и так был на себя не похож, часто на меня огрызался, а один раз, когда я принесла двойку по биологии, даже ударил по лицу. Вышло не столько больно, сколько обидно. Я заплакала, но отец этого не увидел: выбежал из квартиры, даже не пообедал.

Наконец это случилось: Айшат забеременела.

В тот апрельский день на Цуриб обрушилась непогода: ветер валил с ног, улицы захлестывал ливень, вода в Каракойсу стремительно поднималась, грозя затопить прибрежные участки. После завтрака отец вышел из дому в своем черном дождевике и, согнувшись, с трудом преодолевая силу ветра,

отправился открывать магазин, хотя было понятно, что в такую погоду покупатели не придут. Я смотрела на него из окна, залитого дождевыми струями, едва различая сквозь серую муть его большой темный силуэт, пока он не скрылся за поворотом. Услышав, как в прихожей шуршит своим дождевиком Айшат, я поняла, что она тоже куда-то собралась.

Были каникулы, поэтому я оставалась дома. В хорошую погоду я бы пошла к Марьям, вместо того чтобы решать ненавистные задачки, но в такой день по своей воле ни за что бы из дому не вышла. Перемыв после завтрака посуду, я уселась за кухонный стол, открыла учебник и тетрадь, погрызла колпачок ручки и стала читать условие задачи, но тут услышала, как Айшат собралась уходить.

— Ты куда?

— Не твоего ума дело.

Вид у мачехи был решительный. Она туго стянула под подбородком завязки дождевика, обула резиновые калоши и, прежде чем открыть входную дверь, велела:

— Решай задачи! Приду — проверю.

— А если отец вернется и спросит, где ты?

Айшат немного подумала и ответила с уверенностью, которой явно не испытывала:

— Он только к обеду придет. К этому времени я уже вернусь.

Айшат, как и всякой замужней женщине, не дозволялось выходить из дому без разрешения мужа. Если мужа нет дома, жена не может выйти даже по острой необходимости. Если у женщины есть сын, достигший тринадцати лет, он может сопроводить мать, но и тогда она рискует вызвать неудовольствие

мужа, даже если они живут хорошо. А отец и без того гневался на Айшат. Не следовало ей уходить из дому без спросу, да еще в такую погоду.

Но Айшат все равно ушла.

Ее не было часа полтора. За это время я успела решить три задачи и погреть на сковородке чуду¹ с сыром. Только поставила чайник, как услышала щелчок замка на входной двери и облегченно выдохнула: вернулась!

С Айшат струями стекала вода. Лицо у нее было мокрое, облепленное черными нитями волос, губы — синие от холода, а в глазах неожиданно плескалась радость, готовая вырваться наружу и раскрасить цветными кляксами пожелтелые от времени обои, разошедшиеся доски пола, шкаф с зимней одеждой и двери, ведущие в залу, взрослую спальню и мою комнату, в которой помещались только кровать, стул и комод.

— Что ты, Айшат?

Она молча развязала тесемки дождевика, сняла его, встряхнула от воды и повесила на крючок. Разулась, подтерла тряпкой мокрый пол, повернулась ко мне и только тогда со сдержанным ликованием ответила:

— Я беременна, Киштама!

Я растерялась и спросила первое, что в голову пришло:

— А как ты это поняла?

— Да я за этим и ходила! — Она рассмеялась. — В амбулаторию ходила, к женскому доктору.

¹ *Чуду* — дагестанские лепешки с начинкой, обжаренные на сухой сковородке.

— Как же ты шла под таким дождем, да еще на другой конец села?

— Глупая! Понимаешь, что я тебе говорю, или нет?

— Понимаю. Ты беременная. А отец знает?

Бледные щеки Айшат окрасились румянцем.

— Нет еще. — Она повела носом. — Вкусно пахнет. Чуду погрела?

— Погрела. И чайник вот только закипел.

— Я так проголодалась!

Айшат ела жадно, она давно так не ела. Я смотрела на ее пальцы, разрывающие чуду пополам, и думала о том, что в ее животе поселился мой брат. Это было странно и неприятно. Брата мне должна была родить мама, но не успела, хотя и очень хотела.

Словно прочитав мои мысли, Айшат сказала, будто говорила со взрослой подругой:

— Разия не смогла родить Исмаилу других детей. После тебя у нее было три выкидыша, а потом она больше не могла беременеть.

— Выки... — Я попыталась повторить непонятное слово. — Как ты сказала?

— Исмаил так хочет сына, — проигнорировав мой вопрос, продолжала Айшат. — Так ждал его весь этот год. И вот сегодня я ему скажу, что будет сын.

— А если девочка?

— Молчи, да? — Она сердито замахнулась на меня полотенцем. — Не язык, а помело! Хватит твоему отцу одной девчонки, к тому же такой глупой, как ты.

— Я не глупая, — обиделась я. — Зачем все время обзываешься?

— Да я ведь не со злости, а так, — смягчилась Айшат. — Давай-ка мы с тобой натух¹ приготовим! Сладкого очень хочется. И у нас вроде как праздник сегодня.

И мы стали готовить натух, и вечером я услышала, как отец снова смеется, и в нашей семье все опять стало хорошо, как в тот день, когда Айшат впервые переступила порог нашего дома.

Азим родился на месяц раньше срока, и Айшат принесла его из амбулатории не на следующий день после родов, а только через неделю. Он был слабенький, сморщенный и плакал так жалобно, пищал, словно котенок. Отец подолгу стоял над кроваткой, хмурился, дергал себя за бороду, а Айшат, заглядывая через его плечо, говорила прежним заискивающим голосом, что ребенок станет нормальный, когда подрастет. Айшат вряд ли обманывала, она ведь училась на медсестру, однако отец ей не верил. Но другого сына у него все равно не было, поэтому он должен был радоваться и этому.

Айшат оказалась права: Азим только вначале был слабенький, а по весне начал расти, крепнуть, плакать басовито и требовательно. Айшат часто кормила его молоком, которого, хвала Аллаху, у нее было с избытком. Наверное, поэтому Азим рано встал на ножки, начал ходить по квартире, держась за руку матери и хватаясь за все, что попадалось на пути. После школы я возила брата в коляске по улицам. Он с любопытством разглядывал круглыми карими глазенками прохожих, дома, машины...

¹ *Натух* — дагестанская сладость, похожая на татарский чак-чак, только с орехами.

Я представляла, что это мой сын, первенец, которого я с гордостью демонстрирую соседям. То был хороший и счастливый год. И следующий год до сентября — тоже.

Айшат очень хотела еще ребенка, и у нее снова получилось. Она сообщила, что беременная, в июле 1992-го. Отец так обрадовался, что подарил ей золотые серьги и браслет, хотя обычно муж дарит жене украшения не до, а после того, как она родит мальчика.

Я к тому времени окончила восьмилетку и работала в отцовском магазине, поэтому Айшат и хозяйством занималась, и за Азимом следила.

Не уследила...

Они шли на прогулку в парк, который находится между нашей улицей и берегом реки. Азим нес мяч и случайно выпустил его из рук. Мяч покатился под горку и выкатился на середину дороги. Азим побежал за мячом, Айшат — за Азимом. Она кричала: «Азим, стой!», но он не слушал. Айшат успела добежать до Азима, который был уже на середине дороги, и в этот момент увидела грузовик, выскочивший из-за поворота. Айшат оттолкнула Азима к тротуару, а сама отскочить не успела. Грузовик сбил ее насмерть.

Проводить Айшат собралась вся улица. Соседки плакали и всё несли и несли блюда для поминального стола, так что их стало некуда ставить. Отец сидел на полу в зале, безостановочно перебирая четки и устремив отрешенный взгляд в пространство между стеной и окном. Я боялась к нему подходить. Азима увели к себе родители Айшат. Я спохватилась, что его нет дома, только на другой день после похорон.

Сходила к Хасановым и забрала Азима домой. Тетя Гульнара не хотела его отдавать, говорила: «Только он и остался у меня от дочери». Дядя Бахтияр отобрал у нее Азима и передал мне, сказав, что сын должен жить со своим отцом.

Так мы стали жить втроем. Отец поставил продавцом Абдуллу, сына своего друга, а я стала вести хозяйство и смотреть за Азимом. Первое время он спрашивал, где мама, потом перестал. Маленькие дети — как котята: помнят только то, что было накануне. Остальное забывают. Вот бы и мне так забыть все плохое. Но я не могу, все продолжаю думать о маме и Айшат.

Марьям пришла странно возбужденная.

Обычно она ведет себя в гостях степенно, как и полагается приличной девушке, особенно когда мой отец дома. В такие дни Марьям тенью проскальзывает из прихожей в коридор, а оттуда — в мою комнату; мы пьем чай, держа чашки и тарелки на коленях, и говорим тихими голосами. Хотя в наших разговорах нет ничего запретного, все равно нельзя, чтобы отец нас слышал. Если бы мы жили в своем доме и в нем была бы женская половина, тогда другое дело, но в маленькой квартире приходится считаться с присутствием мужчины за стеной.

Но сегодня отец в магазине, принимает партию товара, как обычно по четвергам. Марьям это знает и поэтому вошла в квартиру не таясь, стянула с головы платок и прошла на кухню, где я пекла чуду с тыквой. Стол был весь в муке, но я быстро протерла его тряпкой, поставила чашки, пиалу с колотым сахаром и вазочку с вяленой хурмой.

— Где Азим? — спросила Марьям, едва не подпрыгивая на табурете от нетерпения.